В.В. МАРЬИНА

ЧЕХОСЛОВАКИЯ. 1937 ГОД: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ВЫЗРЕВАНИЯ МЮНХЕНСКОГО КРИЗИСА

В декабре 1935 г. в Чехословацкой республике (ЧСР) вместо подавшего в отставку Т.Г. Масарика на пост президента был избран Эдвард Бенеш, один из основателей этого государства (1918 г.), а затем его бессменный министр иностранных дел. Политик европейского масштаба, активно участвовавший в деятельности Лиги Наций, он много сделал для упрочения позиций ЧСР в рамках возникшей как итог Первой мировой войны Версальской системы. Сразу после избрания Бенеш встретился с послами Франции, Англии и СССР и заверил их в неизменности внешнеполитической линии ЧСР, состоящей в упрочении сотрудничества с этими странами и стремлении к укреплению коллективной безопасности в Европе. К этому времени ЧСР имела договоры о союзе и дружбе с Францией (1924 г.) и взаимопомощи с СССР (1935 г.). При этом Бенеш всегда являлся сторонником франко-английского сотрудничества на международной арене и прилагал много усилий для его налаживания. Большую озабоченность Бенеша вызывала политика гитлеровской Германии, которая, уверовав в свою безнаказанность, проявляла все большую агрессивность, стремление к разрушению Версальской системы и силовому упрочению на международной арене. В ее отношении Чехословакия проявляла понятную сдержанность: “Мы не станем ни нападать на Германию, ни раздражать ее... во всех публичных заявлениях мы сохраняем абсолютную сдержанность”, “для нас сейчас, как и ранее, важно заявление Гитлера, что Германия согласна с нашим договором с Францией и не имеет в отношении нас территориальных претензий”¹, – говорилось в циркулярной депеше министра иностранных дел ЧСР Камила Крофты в марте 1936 г. Чтобы ослабить угрозу Чехословакии и “потрафить” правым в стране, настаивавшим на укреплении связей с Германией, Бенеш изъявил готовность и к переговорам с ней. Гитлер уверял Чехословакию в своем миролюбии, предложив даже в одной из речей заключить с ней пакт о ненападении. Скорее всего, это была лишь политическая игра. Гитлер упрекал пражские власти только в притеснении немецкого меньшинства и в чрезмерной “дружбе” с Москвой.

Во второй половине октября 1936 г. чехословацкий посланник в Берлине Войтех Мастны сообщил в Прагу о своих встречах с одним из консультантов “бюро Риббентропа”² А. Гаусгофером, в результате которых была достигнута договоренность о проведении переговоров с Э. Бенешем.

Марьина Валентина Владимировна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Československá zahraniční politika v roce 1936. Sv. 1. (1. leden – 31. srpen 1936). Dokumenty československé zahraniční politiky. Praha, 2003, s. 226.

² И. Риббентроп возглавлял созданное в апреле 1934 г. “бюро Риббентропа”, которое действовало параллельно с министерством иностранных дел. Таким образом, Риббентроп являлся главным внешнеполитическим советником Гитлера. По поручению Гитлера он готовил почву для германо-японского сотрудничества (1934 г.), вел переговоры о подписании англо-германского морского соглашения (1935 г.), в августе 1936 г. стал германским послом в Великобритании, а в феврале 1938 г. был назначен министром иностранных дел “третьего рейха”.

Президент считал необходимым начать такие переговоры. Об опасности, исходящей от “третьего рейха”, можно было судить по результатам съезда национал-социалистической партии в Нюрнберге, прошедшего с 8 по 14 сентября³. Чрезвычайно острые выпады прозвучали там против большевизма и Москвы: Гитлер заявил, что большевизм в Германии уничтожен и что “душевной предпосылкой каждой анархии является демократия”. В речах А. Розенберга и Й. Геббельса осуждалась Чехословакия, которая якобы предоставила свою территорию для размещения советских аэродромов⁴, предназначенных для нападения на Европу.

В то же время 13 октября Мастны сообщил в Прагу, что тон по отношению к ЧСР в Берлине стал “куда более приветливый, чем прежде”, хотя она по-прежнему обвиняется в пособничестве СССР и является инструментом Москвы⁵. Гитлер заигрывал с Чехословакией, скорее всего, стремясь убедить европейскую общественность в своем миролюбии, а вовсе не потому, что действительно хотел наладить отношения с этим ненавистным ему демократическим государством. Как опытный политик Бенеш не мог не понимать, что нацистская Германия готовится к нападению на Чехословакию, но пока не готова к нему по причинам внутри- и внешнеполитического порядка. Для президента важно было не усиливать напряженность в чехословацко-германских отношениях, вероятнее всего поэтому, а также учитывая рост неприязни к СССР на Западе, Бенеш не пошел на подписание с Советским Союзом официального соглашения об углублении военного сотрудничества. Взаимоотношения между ЧСР и СССР после заключения в 1935 г. советско-чехословацкого договора о взаимопомощи развивались весьма успешно, и советский Генштаб летом 1936 г. высказал пожелание, чтобы “представители обоих штабов обсудили основные линии стратегических действий”. Чехословацкий военный атташе в Москве по указанию начальника чехословацкого Генерального штаба генерала Л. Крейчи дал согласие на начало таких переговоров. Как телеграфировал чехословацкий посланник в Москве Б. Павлу в Прагу 9 ноября, в ответ на согласие приступить к переговорам “было сказано, что существующее сотрудничество очень ценно, взаимными связями здесь довольны и хотят продолжать их в существующих рамках. Если же речь пойдет о расширении рамок, то нужно будет предварительно провести переговоры политических деятелей”⁶.

Как уже говорилось, и Гитлер, и Бенеш высказались за улучшение чехословацко-германских отношений. На встрече с Мастны Гаусгофер заявил, что в “прямом соглашении” с ЧСР заинтересован сам Гитлер, но переговоры с его представителем должны проходить тайно. Обо всем этом в приватном разговоре Мастны сообщил Бенешу. Согласно записи президента о начале переговоров⁷, он немедленно ответил, что готов вести переговоры с доверенным лицом Гитлера. Крофта, который был поставлен в известность о поступившем предложении, выразил свое полное согласие с мнением Бенеша. Отметим, что, как писал в Москву 23 октября 1936 г. советский полпред в ЧСР С.С. Александровский, в Праге упорно распространялись слухи о советско-германском сближении, “как политическом, так и экономическом”. Нарком иностранных дел М.М. Литвинов в ответе С.С. Александровскому заявил, что никаких изменений во взаимоотношениях СССР с Германией не намечается: “Можете опровергать, как гер-

³ В отличие от предыдущих съездов на него были приглашены и главы дипломатических миссий, аккредитованные в Берлине. Большинство европейских государств приняло это приглашение, в том числе и Чехословакия. Отказались прибыть на съезд представители Ватикана, Франции, Великобритании, США, СССР, Испании, Норвегии, Голландии.

⁴ Эти утверждения прежде уже не раз официально опровергались Чехословакией.

⁵ Československá zahraniční politika v roce 1936. Sv. 2. (1. září – 31. prosinec 1936). Dokumenty československé zahraniční politiky. Praha, 2003, s. 87.

⁶ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (далее – ДМИСЧО), т. 3. М., 1978, с. 285; Československá zahraniční politika..., sv. 2, s. 157.

⁷ Ход переговоров воспроизводится по этой записи: Československá zahraniční politika..., sv. 2, s. 198–204.

манский шантаж”⁸. Возможно, источник распространения слухов действительно находился в Германии и делалось это для того, чтобы подтолкнуть Прагу на тайные контакты с Берлином.

Бенеш, по-видимому, опасался, как бы в Москве не истолковали превратно его намерение вступить в переговоры с Германией. Поэтому на приеме у румынского посланника Эманди 30 октября президент считал необходимым побеседовать с Александровским, настойчиво подчеркивая, что “никаких изменений во взаимоотношениях Чехословакии с СССР не может произойти”⁹.

Следует отметить, что в 1934–1937 гг. СССР предпринял ряд попыток расширить советско-германские экономические отношения, в чем были заинтересованы обе стороны, и несколько разрядить политические отношения, резко ухудшившиеся после прихода Гитлера к власти в 1933 г. В конце 1934 г. в Берлин был направлен в должности торгпреда личный представитель И.В. Сталина Д.В. Канделаки, который, ведя переговоры по экономическим вопросам, неофициально, но с ведома советских верхов, зондировал и возможность улучшения политических отношений. “Сталин, безусловно, поощрял попытки Канделаки и придавал этому аспекту его деятельности большое значение”, – пишут авторы научного предисловия к документальной публикации “СССР – Германия. 1933–1941”¹⁰. Так что слухи о советско-германских переговорах были не случайны. Возможно, “утечку информации” об этом допустил сам Берлин, чтобы держать в напряжении политические верхи и общественное мнение западных стран, опасавшихся “нового Рапалло”.

13 ноября в Праге, на Градчанах, появились граф М.К. фон Траутманнсдорф, доверенное лицо Гитлера, и А. Гаусгофер. Первый сразу же затронул “деликатный вопрос” о немецком национальном меньшинстве в Чехословакии. Бенеш ответил, что “а) это наш внутренний вопрос, так что [какое-либо давление тут] и его обсуждение невозможны; б) если же мы договоримся по вопросам внешней политики и о взаимоотношениях обоих наших государств, то нет никаких препятствий к тому, чтобы и по этому вопросу мы говорили, как друзья, искренне и открыто”. Этой позиции Бенеш придерживался в течение всех переговоров. Далее переговорщики перешли к вопросам межгосударственных отношений и европейской политики. Бенеш заявил, что он, как президент республики, намерен говорить “искренне, открыто и правдиво”, что в чехословацкой политике “не играет и не будет играть никакой роли вопрос о режиме” и что во внутренние дела Германии ЧСР не хочет вмешиваться. Далее он заметил, что никакой неприязни к немцам и Германии у чехов нет, что целые столетия оба народа сосуществовали мирно и далее обречены жить по соседству. Упомянув об Австрии, Бенеш сказал, что понимает политику Германии, нацеленную на аншлюс¹¹, но откровенно высказался против нее: “Для нас выгоднее, если Австрия останется самостоятельной”, поскольку это “облегчило бы наши позиции в Центральной Европе”. Обе стороны выразили негативное отношение к восстановлению власти Габсбургов в Австрии, Венгрии и Чехословакии. Говоря о договоре с Советской Россией, Бенеш подчеркнул его оборонительную направленность: “Мы должны были защитить себя, и будем защищаться, если это потребует. Мы большевизма не боимся, мы крепки и сильны. Но мы государство и народ западные, мы не хотим никакой агрессивной политики, в том числе и против Германии, мы хотим мира”. Вместе с тем он отметил, что договор с Германией должен быть заключен лишь по до-

⁸ Документы внешней политики СССР, т. XIX. М., 1974, док. 328, с. 514; док. 331, с. 517.

⁹ Там же, док. 338, с. 528.

¹⁰ СССР – Германия. 1933–1941. Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2009, с. 20.

¹¹ 11 июля 1936 г. был заключен австро-германский договор, по которому австрийское правительство признавало себя германским государством. В секретных приложениях к договору оно брало на себя обязательства, превращавшие страну в придаток “третьего рейха”. По сути был расчищен путь к последующему аншлюсу. – Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 1999, с. 18.

говоренности с “нашими друзьями и с их согласия... Мы не станем это делать против кого бы то ни было и за спиной кого-либо”. Бенеш обратил внимание на стремление укрепить Малую Антанту¹², но одновременно указал и на желание, чтобы все ее члены вместе или по отдельности тоже укрепляли отношения с Германией. После первого дня переговоров Бенеш предложил немецким представителям отправиться в Берлин, чтобы доложить об их результатах. Затем предполагалось продолжить обсуждение всех интересующих обе стороны вопросов. Так и произошло. Мастны сообщил в Прагу о положительной реакции руководства рейха (“канцлер Гитлер был доволен”) на итоги встречи.

18 декабря 1936 г. состоялась вторая встреча Бенеша с представителями Берлина¹³. Оба делегата сообщили, что Гитлер высказал в целом удовлетворение ходом переговоров и что теперь необходимо обсудить все оставшиеся невыясненными вопросы. Прежде всего они касались судетских немцев. Бенеш снова повторил, что политика в отношении этой группы населения чисто внутреннее дело Чехословакии, но он согласен проинформировать германских представителей о положении дел. Однако сначала президент решил поставить вопрос о расширении чехословацко-германских экономических связей, чтобы тем самым подчеркнуть, что вопрос о судетских немцах он считает последним, который может быть затронут в ходе “дружеской беседы”. Упрекнув Германию в проведении “бессмысленной кампании” против Чехословакии, которая якобы “большевизирована”, Бенеш заявил, что “основная борьба против большевизма должна вестись на экономическом фронте” и что ЧСР никоим образом не заинтересована в “большевизации Германии, а совсем наоборот”. Затем президент проинформировал берлинских представителей о том, как пражское правительство смотрит на вопрос о судетских немцах, подчеркнув, что он решается и будет решен на основе чехословацкой конституции.

Бенеш подчеркнул, что в случае подписания договора о ненападении с Германией он не должен содержать требование, чтобы Чехословакия вышла из Лиги Наций и отказалась от всех своих союзнических обязательств. Он выразил мнение, что такой договор должен базироваться на арбитражном договоре, подписанном Германией и Чехословакией 16 октября 1925 г. в Локарно и до сих пор не потерявшем силу. “После некоторого колебания, – значит в записи Бенеша, – оба заявили, что эта идея для них приемлема, что на этой базе договор мог бы быть построен”. Президент заявил, что, по его мнению, соглашение “должно иметь форму юридического договора, а не декларации”. Ответ гласил, что окончательное решение на этот счет может принять только Гитлер. Но немецкие переговорщики знали, что фюрер еще до их повторного появления в Праге отверг идею подписания договора о ненападении с Чехословакией¹⁴. Бенеш же этого не знал и поэтому предложил им перечень пунктов, который мог бы содержать эвентуальный договор. Вскоре он подготовил и его проект, содержащий шесть статей. В первой из них говорилось о необходимости исходить из положений договора от 16 октября 1925 г. Во второй подчеркивалась необходимость соблюдать суверенитет другой стороны и не вмешиваться в ее внутренние дела. Таковыми считались все вопросы, “которые международное право считает исключительно правомочиями государства, включая форму их политического и социального устройства”. В статьях третьей и четвертой говорилось о постоянном развитии, углублении и укреплении добрососедских отношений между обоими государствами, о расширении и упрочении их экономических и торговых связей. Стороны обязывались (статья пятая) все текущие вопросы, касающиеся их политических, экономических, культурных и иных связей, решать “в дружественном духе дипломатическим путем”. В статье шестой говорилось о ратификации договора, время

¹² Малая Антанта – политический союз Чехословакии, Румынии, Югославии, одно из звеньев версальской системы европейских отношений в 1920–1938 гг.

¹³ Československá zahraniční politika..., sv. 2, s. 284–291.

¹⁴ Ibid., s. 291.

действия которого определялось в соответствии с формулировками договора 1925 г.¹⁵ По одним сведениям, подготовленный Бенешем проект никем никогда не обсуждался, по другим – он был сразу отправлен в Берлин и Париж; СССР же не был поставлен об этом в известность¹⁶.

Завершался 1936 год. Международная обстановка в Европе и мире все более накалялась. Гитлер вплотную подступил к реализации идей, декларированных в “Майн кампф”. Началось оформление блоков агрессивных государств: 25 октября 1936 г. между Германией и Италией было заключено соглашение, получившее наименование “оси Берлин – Рим”; месяц спустя Германия и Япония подписали “антикоминтерновский пакт”, к которому в январе 1937 г. присоединилась Италия. Эти новые политические объединения, их официальной целью была борьба против большевизма и коммунизма, в действительности стремились к окончательному слому Версальской системы и новому переделу мира. В Европе ближайшими подручными “третьего рейха”, кроме Италии, являлись Польша и Венгрия, тоже имевшие свои территориальные претензии к соседям, в частности к Чехословакии, и тайно вынашивавшие планы передела европейских границ.

В этой тревожной обстановке, грозившей новым военным столкновением, а европейцы еще помнили ужасы Первой мировой войны, все более насущным становился вопрос о защите мира, тем более, что ни западноевропейские страны, ни СССР не были готовы к новым испытаниям. Политика коллективной безопасности, отстаиваемая СССР, не встречала активной поддержки в западноевропейских политических верхах, которые все больше склонялись к политике умиротворения агрессора, достижения договоренности с ним путем уступок. Но мысль наладить политический диалог с Берлином не оставляла и Москву, хотя Канделаки тут успехов не имел¹⁷. М.М. Литвинов вообще скептически относился к этой идее, хотя советский полпред в Берлине Я.З. Суриц получил указание активизировать контакты с политическими деятелями Германии. 14 декабря 1936 г., например, состоялась его встреча с Г. Герингом для “обмена мнениями”. Геринг настаивал на необходимости развития экономических отношений и на этой базе “медленно и постепенно воздействовать на политику”¹⁸. В январе 1937 г. была предпринята еще одна попытка наладить политический диалог с Берлином. Литвинов составил проект устного заявления Канделаки, которое в виде проекта рассмотрело и одобрило Политбюро ЦК ВКП(б) в составе И.В. Сталина, В.М. Молотова Л.М. Кагановича, Г.К. Орджоникидзе, К.Е. Ворошилова. В нем, в частности, говорилось: “Советское правительство не только никогда не уклонялось от политических переговоров с германским правительством, но в свое время делало ему даже определенные политические предложения. Советское правительство отнюдь не считает, что его политика должна быть направлена против интересов германского народа. Оно поэтому не прочь и теперь вступить в переговоры с германским правительством в интересах улучшения взаимоотношений и всеобщего мира”¹⁹. Текст заявления был зачитан Д.В. Канделаки во время его встречи с министром экономики Германии и президентом Рейхсбанка Я. Шахтом 29 января 1937 г. В этот день Канделаки сообщил телеграммой в Москву: “Я сделал Шахту, в соответствии с вашей директивой, заявление по поводу предложения немцев о политических переговорах с нами. Шахт, выразив удовлетворение нашим ответом, наметил тогда же порядок переговоров и указал, что они начнутся в ближайшие дни”²⁰. Но, как выяснилось, Берлин соглашался на переговоры по политическим вопросам только в случае отказа Москвы от “коминтерновской пропаганды”. В записке Канделаки Сталину, Молотову, Розенгольцу от 17 марта 1937 г. по этому поводу говорилось:

¹⁵ Ibid., s. 312–313.

¹⁶ См., например, ДМИСЧО, т. 3, с. 323.

¹⁷ СССР – Германия. 1933–1941, с. 20.

¹⁸ Там же, с. 149–151.

¹⁹ *Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000, с. 107.

²⁰ СССР – Германия. 1933–1941, с. 153.

“Немецкая сторона не видит в настоящее время различия между советским правительством и Коминтерном. Вследствие этого немецкая сторона не считает целесообразным продолжать переговоры, ибо не видит для них базы”²¹. Более перспективным делом руководители “третьего рейха” считали, по-видимому, налаживание политических контактов с Англией, которую угроза большевизма страшила куда больше, чем агрессивные планы Гитлера.

Переговоры между Москвой и Берлином, как и переговоры между Прагой и Берлином, не удалось сохранить в тайне. В Чехословакии активизировались сторонники налаживания контактов с Германией, возглавляемые лидером аграрной партии премьер-министром М. Годжей. В Москве были явно обеспокоены этим. Литвинов в телеграмме от 14 февраля 1937 г. дал указание Александровскому довести до сведения Годжи, что “установка некоторых аграрных органов печати приводит у нас самое тяжелое впечатление”²². О встревоженности и недовольстве Москвы ситуацией в Чехословакии получил информацию и Бенеш. 10 февраля, как сообщал Литвинову Александровский, «я был в опере на “Евгении Онегине”, дававшемся по случаю 100-летия со дня смерти А.С. Пушкина. В театре был Бенеш. Я ходил к нему в ложу, и здесь он мне между прочим сообщил, что Годжа на днях позовет меня для разговора, который рассеет мои сомнения». 15 февраля премьер действительно принял Александровского и разъяснил ему свою позицию: “Если Чехословакия при своем географическом положении окажется изолированной, то не пройдет и года, как она не формально, а по существу превратится в провинцию великой Германии... Отсюда вытекает основная внешнеполитическая задача, которую ставит себе Годжа: бороться против изоляции и связать Чехословакию как можно тесней с рядом стран, но в первую очередь с придунайскими странами. Ядром должна являться Малая Антанта, но поскольку политически здесь много разнородных моментов, постольку Годжа пропагандирует экономическую Малую Антанта, родившуюся по его инициативе”²³. Премьер рассчитывал получить поддержку своим планам в Англии, которая, по его мнению, “начинает ближе присматриваться к среднеевропейским делам”. В действительности это было ошибочное умозаключение: Великобритания не собиралась утруждать себя вмешательством в решение центральноевропейских проблем; для нее важнее было не осложнить отношений с “третьим рейхом”, претендовавшим на укрепление своих позиций в указанном регионе.

Слухи о переговорах между Прагой и Берлином, ставшие уже секретом Полишинеля, активно распространялись как в дипломатическом корпусе, так и в журналистских кругах ЧСР. В начале 1937 г. Бенеш и Крофта еще тешили себя иллюзиями, что идея заключить договор о ненападении с Германией может дать реальный результат и напряженность в отношениях Праги и Берлина будет снята. Вероятно, содействовали этому и слухи о переговорах подобного рода, ведущихся между Берлином и Москвой. Мастны несомненно отслеживал взаимоотношения СССР с Германией и информировал об этом Прагу. Также несомненно, что в Кремле, если не знали точно, то догадывались (по намекам Александровского) о переговорах между Прагой и Берлином. Видимо, не случайно Павлу 20 января 1937 г. информировал пражский МИД о статьях в советской печати относительно угрозы, грозящей Чехословакии со стороны Германии: “Советская печать в последние месяцы уделяет повышенное внимание событиям в Чехословацкой республике и в соседних с нею странах”. Из публикаций о ситуации в Средней Европе складывается впечатление, “как будто бы Германия в ближайшее время может напасть на Чехословакию”. Посланник переслал в переводе на чешский язык две статьи на этот счет, опубликованные в газетах “Известия” и “Правда” 17 января 1937 г.²⁴

²¹ Там же.

²² ДМИСЧО, т. 3, док. 192, с. 303.

²³ Там же, док. 195, с. 308–311.

²⁴ Československá zahraniční politika v roce 1937. Sv. 1. Dokumenty československé zahraniční politiky. Praha, 2007, dok. 17, s. 62–66.

То, что тучи над Чехословакией сгущаются, все яснее осознавал и Бенеш и стремился отодвинуть грозящую опасность. 12 января 1937 г. он ознакомил с выработанным им проектом договора с Германией переговорщиков из Берлина Гаусгофера и Траутманнсдорфа. В ожидании очередного их визита президент несколько раз возвращался к проекту, дорабатывая его не по сути, а стилистически. С текстом были ознакомлены и сотрудники МИД. Бенеш обращал их внимание на то, что в проекте нет ничего позволяющего думать, что «мы касаемся наших обязательств в отношении союзников или уменьшаем их». Указывалось на почти полную схожесть содержания проекта договора с соответствующими договорами Германии с Польшей и Австрией²⁵.

Подробно обсуждался Бенешем вопрос о договоре и с Мастным. Из записи последнего от 24 января 1937 г. известно, как в Берлине разворачивались связанные с этим события. Гаусгофер представил свой отчет наверх. 23 января состоялась его беседа с Мастным, длившаяся три часа. Гаусгофер сообщил, что его устный доклад заместителю Гитлера Гессу и Риббентропу был встречен «с большой симпатией», а 14 января он был принят Гитлером, который, ознакомившись с письменным рефератом, пространно комментировал его. Согласно записи Мастного, фюрер «не имел пока никаких принципиальных возражений и принял доклад к сведению «как важный дальнейший шаг» для подготовленных переговоров». Гитлер просил уведомить о идущих переговорах Шахта, что и было сделано, а тот отдал соответствующее указание немецкой торговой делегации для ведения переговоров в Праге относительно налаживания германо-чехословацких экономических связей. У Гаусгофера, по словам Мастного, сложилось впечатление, что дело идет успешно и проблем с заключением договора в ближайшем будущем не возникнет, в чем он был уверен на 80%. Выяснилось, что пока о ведущихся с Прагой переговорах не информированы ни Геринг, ни Геббельс, ни даже министр иностранных дел К. фон Нейрат. По мнению Мастного, об отношении Геринга к Чехословакии можно судить на основании его слов: «С дружественной по отношению к Германии Чехословакией мы будем жить в дружбе, Чехословакию же нам недружественную мы уничтожим». Против заключения договора с ЧСР, как полагал Мастны, не возражала бы и армия, которая опасалась «какой-либо авантюры». Геббельса и Розенберга чехословацкий дипломат относил к числу противников договора («Эти люди из лагеря [представителей] радикализма, и ирреденты ухватятся за каждую возможность, чтобы свести на нет любую тенденцию к замирению не только между обоими государствами, но и внутри нашей страны с немцами»)²⁶. Поэтому, делал вывод Мастны, чехословацкой печати необходимо избегать личных выпадов против Гитлера и такой терминологии, как «гитлеризм», «гитлеровская кампания», которой «полнится наша печать и наше радио». Необходимость сохранения секретности предварительных переговоров, по мнению посланника, обусловлена и тем, чтобы элементам, враждебным договору, не дать возможность оказать влияния на фюрера и восстановить его против договора. Хотя совершенно ясно, считал Мастны, что «ценность договора с беспокойной Германией вообще проблематична, поскольку нет уверенности, что он не будет нарушен, тем не менее его ценность в контексте общеевропейской ситуации была бы моральным вкладом большого значения и особенно в связи с тем, что вопрос внешней политики Чехословакии рассматривается как вопрос европейского мира». Мастны дал возможность Гаусгоферу ознакомиться с проектом договора, против которого тот не имел «никаких возражений», считая, что текст полностью отвечает достигнутому в Праге договоренностям²⁷.

²⁵ Ibid., dok. 20, s. 70–71.

²⁶ Выступая в Гамбурге, например, Геббельс обрушился на советско-чехословацкий союзный договор, заявив: «Если чехословацкие государственные деятели утверждают, что при строительстве их аэродромов речь идет не о красных, а о чехословацких аэродромах, то это ничего не значит. Важно лишь то, в чье распоряжение будут, в конце концов, предоставлены эти аэродромы. Сегодня практически Чехословакия является авианосцем Москвы». – Ibid., dok. 55, s. 136.

²⁷ Ibid., dok. 21, s. 72–75.

30 января 1937 г. Гитлер выступил в рейхстаге с большой речью, значительную часть которой посвятил положению Германии в Европе и внешней политике “третьего рейха”. Среди условий умиротворения Европы он назвал “внимание к оправданному чувству национальной гордости” национальных меньшинств. Здесь явно имелась в виду Чехословакия, хотя прямо о ней ничего не было сказано. 31 января Бенеш дал через МИД указания (документ имел гриф секретно) чехословацкой печати в связи с комментированием речи Гитлера: “1) В целом: еще большая сдержанность, чем до сих пор. Ни в коем случае не дать спровоцировать себя, даже если бы Гитлер прибег к сильным выражениям. 2) Осторожно о личности Гитлера. Избегать терминологии: гитлеровский, гитлеризм и др. Критически, спокойно, аргументировано”. Одновременно Бенеш дал указание о принципиальной поддержке заявлений английского министра иностранных дел А. Идена и французского премьера Л. Блюма²⁸. Комментируя их, президент писал: “Мы считаем, что европейский договор возможен и необходим. Иден и Блюм правильно обозначили основу этого договора: экономическое сотрудничество, но политическая твердость, обеспечение мира, никаких идеологических войн, сотрудничество всех европейских великих держав и вступление в Лигу Наций”. Указывая на то, как надо реагировать на возможное упоминание Гитлером Чехословакии, Бенеш писал: “Мы за сохранение существующих отношений с друзьями и за разумное урегулирование и улучшение наших отношений с соседями”. Необходимо опровергать лживые слухи (конечно, имелась в виду кампания в германской печати) “о нашем большевизме”, “о советских аэродромах” на чехословацкой территории. “Германия хорошо знает, — значилось в документе, — что 16-миллионное государство не может стать инструментом ничьей политики, ни Франции, ни России, ни самой Германии. Мы являемся лишь инструментом мира, хотим остаться и останемся таковым. Если, следовательно, на указанной основе... будет возможен договор в соответствии со словами и предложениями канцлера Гитлера, то ясно, что у нас все будет с этим согласны”. В вопросе о национальных меньшинствах Бенеш повторил свою прежнюю позицию: “О наших внутренних делах никто не имеет права говорить”.

На речи Гитлера остановился и Крофта, выступая 4 февраля 1937 г. перед ведущими сотрудниками МИД. Он отметил, что Гитлер о Лиге Наций говорил иронично, а о большевизме весьма отрицательно, делая, однако, различие между большевизмом (как идеологией) и Советским Союзом (как государством). При этом Гитлер категорически заявил, что Германия не заключала с Советским Союзом никакого договора, который обязывал бы ее оказывать России или принимать от нее какую-либо помощь²⁹. Оценив 12 февраля 1937 г. чехословацко-германские отношения как неплохие, Крофта заметил, что в Германии существует повышенный интерес к событиям в России, где в то время шли процессы по делу троцкистов. Министр подчеркнул, что Берлин понимает происходящее в Москве по-своему³⁰, считая, что в СССР могла бы произойти смена режима и тогда “сразу бы изменилась немецкая политика в отношении России”³¹. Заметим, что эта констатация, видимо, была неслучайной: чехословацкие руководители опасались, как бы укрепление германо-советских отношений не нанесло ущерб

²⁸ А. Иден 19 января 1937 г., выступая в Палате общин, высказался за урегулирование европейских проблем посредством усиления роли Лиги Наций, “отмел” любую диктатуру как справа, так и слева, осудил мнение, что демократия является благоприятной почвой для пропаганды коммунизма, подчеркнув, что этот режим, наоборот, является противовесом коммунизма. Л. Блюм, выступая 24 января в Лионе по вопросам внешней политики Франции, коснулся прежде всего франко-германских отношений, подчеркнув необходимость решения проблемы путем включения ее в комплекс вопросов европейской безопасности. — Ibid., dok. 30, s. 91–92.

²⁹ Ibid., dok. 41, s. 110.

³⁰ 9 февраля Траутмансдорф “по секрету” и, как теперь ясно, с совершенно определенными намерениями сообщил Мастному, что согласно информации из Советского Союза, там “обозначилась вероятность близкого резкого поворота — падения Сталина и Литвинова и установления военной диктатуры”. — Ibid., s. 8.

³¹ Ibid., dok. 62, s. 146–147.

чехословацко-советским дружественным связям и не лишило ЧСР одного из ее союзников в возможном конфликте с “третьим рейхом”. Уверенность в том, что будет подписан договор о ненападении с Германией, еще существовала, но не была твердой и постепенно сходилась на нет. Хотя еще в конце февраля Мастны информировал Прагу, что через неделю Траутманнсдорф и Гаусгофер будут приняты Гитлером, чтобы “обсудить подготовку текста основы договора”³², в известных автору документах нет сведений о том, что такая встреча состоялась. Скорее всего, не состоялась, иначе Мастны знал бы об этом. Возможна и другая версия: беседа имела место, но Гитлер уже принял решение прекратить “заигрывание” с Чехословакией и взял курс на ее ликвидацию. Как сообщал Мастны в Прагу, 20 марта он был принят фон Нейратом, который, не отрицая возможности продолжения германо-чехословацких переговоров о заключении договора о ненападении, считал, что пока следует сделать в них перерыв и выждать, как будет развиваться ситуация³³. Но переговоры так и не были возобновлены.

Достаточно точно оценивал развитие германо-чехословацких отношений в это время Суриц. 4 марта 1937 г. он сообщал в Москву: «За последнее время особенно часто упоминается Чехословакия. Если еще до недавнего времени существовали сомнения насчет того, в каком направлении разовьется германская агрессивность, то сейчас почти все сходится на том, что первая очередь в наступательном плане Германии крепко уготована за Чехословакией... В газетной кампании, которая ведется против Чехословакии, на первый план явно начинают выпячивать тезис о зараженности Чехословакии коммунизмом... Существуют поэтому законные опасения, что, опираясь на немецкие меньшинства, Германия вызовет внутренний путч в Чехословакии и по испанскому образцу организует защиту этого “центра Европы” от коммунистической угрозы. Этот план предоставляет то удобство, что не облакает германское вмешательство в форму открытого военного нападения на Чехословакию». Правда, Суриц оговаривался, что считать этот план уже подготовленным и намеченным для реализации в ближайшие дни, пока нельзя³⁴. Впрочем, история показала, что события развивались именно так.

Слухи о ведущихся чехословацко-германских переговорах, естественно, достигли и Александровского, который 8 марта в беседе с Крофтой попытался выяснить, насколько они верны. Остановившись на истории вопроса и чехословацких условиях подписания договора, министр заверил советского полпреда, что “опора на СССР является для Чехословакии единственной реальной гарантией ее безопасности”. Позиция Александровского сводилась к следующему: “Принятие и соблюдение всего, что Крофта считает безоговорочным условием, было бы для Гитлера равносильно поражению его внешнеполитических устремлений”. В ответ министр, помимо “неубедительных общих рассуждений”, утверждал, что Германия очень сильно опасается нападения со стороны СССР, который “пользуется Чехословакией как плацдармом для подготовки такого флангового удара”. Советский полпред опроверг эти безосновательные утверждения³⁵. Несомненно, он был прав, говоря, что заключение договора с Чехословакией на предложенных ею условиях означало бы отказ от реализации внешнеполитических планов Гитлера. Переговоры и слухи о них укладывались в рамки декларируемых им миролюбивых стремлений, и фюрер, видимо, когда посчитал это нужным, решил положить конец “налаживанию дружбы” с Чехословакией. С ней как с важным препятствием на пути осуществления грандиозных замыслов фюрера по овладению Европой надлежало покончить любым путем.

Переговоры прекратились. Усилилась работа по формированию мирового общественного мнения, что Чехословакия своим поведением толкает мир к началу войны. Из заявлений ведущих германских политиков и дипломатов явствовало, что подписанию договора с ЧСР препятствуют два обстоятельства: первое – ее союзнические отноше-

³² Ibid., dok. 76, s. 179–180.

³³ Ibid., dok. 112, s. 240–247.

³⁴ ДМИСЧО, т. 3, док. 200, с. 316–317.

³⁵ Там же, док. 201, с. 318–323.

ния с СССР, рост влияния большевизма в стране и, следовательно, угроза его распространения в Европе, второе – угнетенное, неравноправное положение немецкого национального меньшинства. На том же делала упор и геббельсовская пропаганда. В связи с этим, а также с возросшей активностью судето-немецкой партии Генлейна, в том числе и на международной арене, вопрос о “бедственном” положении судетских немцев все больше привлекал внимание мировой общественности, особенно английской, опасавшейся, что его нерешенность может привести к европейской войне. И чем дальше, тем больше английское правительство оказывало давление на Прагу, склоняя ее к уступкам Генлейну во имя примирения Чехословакии с Германией. Посланник ЧСР в Лондоне Я. Масарик, как сообщал в Москву советский полпред в Англии И.М. Майский 10 августа 1937 г., охарактеризовал английскую политику следующим образом: “Англия не совсем равнодушна к судьбам Чехословакии, она питает к ней даже известную симпатию как к форпосту демократии в Центральной Европе, но симпатия эта не горячая, а теплая, и рассчитывать на какие-либо энергичные акции со стороны Лондона в случае опасности для Чехословакии едва ли приходится”. Масарик подтвердил, сообщалось далее в телеграмме, что “Форин оффис в последние месяцы как в Лондоне, так и через своего посланника в Праге неоднократно давал чехословацкому правительству советы как-нибудь смягчить напряжение, существующее в чехословацко-германских отношениях, в частности пойти на необходимые уступки судетским немцам”³⁶.

Бенеша долго еще не покидала надежда договориться с Германией, что явствует из его беседы с Александровским в конце апреля 1937 г. Президент заявил советскому полпреду, в частности, что он приветствовал бы сближение СССР с Германией, поскольку тогда соседские взаимоотношения Чехословакии с этой страной “приняли бы более благоприятные формы”. На вопрос, видит ли Бенеш какие-либо изменения в поведении Германии, на основе которых можно было бы рассчитывать на улучшение взаимоотношений СССР, Чехословакии или Франции с Германией, президент ответил, что, хотя дальше зондажа в Чехословакии дело не пошло, “если бы Германия сделала какие-либо предложения, то Чехословакия не смогла бы отвергнуть без переговоров те германские предложения, которые открывали бы перспективу на улучшение взаимоотношений. Однако нерешенным условием было бы тогда полное сохранение, а по возможности и укрепление уже существующих гарантий мира. К таким гарантиям Бенеш прежде всего относит систему договоров о взаимной помощи, объединяющих СССР с Францией и Чехословакией”³⁷.

Но, несмотря на эти уверения, Москва была, видимо, встревожена возможностью сближения Чехословакии с Германией, что следует из письма заместителя наркома иностранных дел СССР В.П. Потемкина С.С. Александровскому от 11 мая 1937 г.: “Получаемая нами информация подтверждает Ваше наблюдение, что правительство Чехословакии, констатируя международную изоляцию своей страны, не чувствуя за собой поддержки Франции и видя все дальше идущий распад Малой Антанты, все более склоняется к мысли о необходимости договориться с Германией, чтобы, хотя бы на время, застраховать себя от конфликта с этим опаснейшим своим соседом... По-видимому, тактическая цель Германии и Италии в отношении Чехословакии уже достигнута... чехословаки готовы пойти на капитуляцию перед Берлином”³⁸. В действительности, по свидетельству ныне известных документов, если и можно было говорить вообще о “капитуляции”, то только на определенных условиях, на которые, как следует из вышеизложенного, Германия никогда бы не пошла. Опасения Москвы нашли отражения и в статье “Известий” от 16 мая 1937 г., посвященной второй годовщине подписания договора о взаимной помощи между СССР и Чехословакией. В ней, в частности, утверждалось, и не без основания, что в Чехословакии существуют течения, стремящиеся изменить ее внешнеполитический курс, направив его на сближение с фашистской

³⁶ Там же, док. 219, с. 342–343.

³⁷ Документы внешней политики СССР, т. XX. М., 1976, с. 717.

³⁸ ДМИСЧО, т. 3, док. 208, с. 329.

Германией. Выразителем этого течения назывался центральный орган аграрной партии – газета “Венков”. Напомним, что премьер-министр Годжа являлся главой аграриев, пресса которых не прекращала нападки на Советский Союз. “Чехословакия, имеющая общую границу с фашистской Германией, – говорилось в статье, – вряд ли сможет отстоять свою безопасность и независимость, опираясь на свои собственные силы. Только в рамках коллективной безопасности, опираясь на свои соглашения о взаимной помощи с Францией и Советским Союзом, Чехословакия может отстоять свою безопасность”³⁹. Несомненно, понимал это и Бенеш.

Советско-чехословацкий договор был, как бельмо на глазу Гитлера; он чрезвычайно раздражал фюрера, являясь ощутимым препятствием на пути упрочения германо-итальянских позиций в придунайском регионе. Бенеш, наоборот, был заинтересован в сохранении этого договора как противовеса агрессивным устремлениям Германии и гаранта безопасности ЧСР. Более того, президент, думается, был заинтересован и в сохранении у власти сталинского руководства, намеренного поддерживать дружественные отношения СССР с Чехословакией. Поэтому, по всей вероятности, Бенеша страшила перспектива возможного изменения режима в Советском Союзе, установления там военной диктатуры, способной договориться с германской военщиной в ущерб интересам ЧСР. А слухи о возможности такого переворота, распространяемые германскими спецслужбами и муссируемые прессой, не обошли стороной и Прагу.

В этой связи представляется интересным вернуться к вопросу о роли Бенеша в судьбе маршала М.Н. Тухачевского и других представителей советского генералитета. Как известно, они были обвинены в государственной измене, тайных сношениях с германскими фашистами и расстреляны, после чего началась “глубокая чистка” всего командного состава Красной Армии, приведшая по существу к его ликвидации и чрезвычайному ослаблению советских вооруженных сил. Дело Тухачевского – нацистская провокация, направленная на ослабление Красной Армии. В. Шелленберг, ставший позже руководителем политической разведки гитлеровской Германии, входивший в ближайшее окружение Гимmlера, в мемуарах изложил, как немецкой разведке удалось подбросить компрометирующие Тухачевского документы о его тайных связях с командованием вермахта⁴⁰. После XX съезда КПСС Тухачевский и его соратники были реабилитированы. Вопрос о роли Бенеша в их судьбе активно обсуждался историками и публицистами, в том числе и российскими, в конце 80–90-х годов прошлого века. Было выявлено, во-первых, что Бенеш переслал (передал) Сталину документальную информацию, касающуюся “предательской деятельности” Тухачевского и его соратников. Во-вторых, что эти документы были сфабрикованы германскими секретными службами и подброшены Бенешу. Некоторые исследователи, в частности западногерманский историк И. Пфафф, считали, что именно эти документы сыграли роковую роль в судьбе маршала Тухачевского⁴¹. Представляется, что в конце прошлого века эта точка зрения была превалирующей. Сегодня – оценки более сдержанны. Чешский историк Й. Деймек, автор двухтомной биографии Э. Бенеша и публикатор документов по внешней политике Чехословакии в 1937 г., считает, что, если направленные Бенешем Сталину материалы и сыграли свою неблагоприятную роль, то никак не основную, а лишь в ряду других факторов, повлиявших на трагическую судьбу маршала⁴². Известно, например, что информация о тайном сотрудничестве некоторых представителей верховного командования Красной Армии с немецким генералитетом поступила в Москву,

³⁹ Там же, док. 209, с. 330–332.

⁴⁰ Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991, с. 35–40; *его же*. Мемуары. М., 1991, с. 38–45.

⁴¹ Пфафф И. Прага и дело о военном заговоре. – Военно-исторический журнал, 1988, № 10–12.

⁴² Československá zahraniční politika v roce 1937, sv. 1, s. 9.

в частности, от французского военного министра Э. Даладье, а также, по некоторым сведениям, от И.М. Майского из Лондона⁴³.

Из ныне опубликованных документов ясно, что чехословацкий МИД внимательно отслеживал события, происходившие в СССР. Павлу⁴⁴, информируя Прагу о процессах по делу “троцкистов”, ограничивался преимущественно пересказом официальной версии вменяемой им вины, которая излагалась в советской печати. После казни Тухачевского и его соратников временный поверенный в делах Чехословакии в СССР Й. Шуст, учитывая, по всей вероятности, реакцию западной прессы на случившееся, сообщал в МИД: “Трудно поверить, чтобы восемь способных генералов, занимавших ответственные посты, находились прямо в сношениях с немецким разведывательным центром... Приговор принят общественностью спокойно, в дипломатических кругах опасаются, как бы сила советской армии не была серьезно подорвана”⁴⁵. Сообщая 12 июня о казни Тухачевского и других советских генералов, Шуст высказал ряд недоуменных вопросов, касавшихся как оценки деятельности казненных, так и суровости приговора. Изложил он и версию, вероятно, имеющую тогда широкое хождение: “Утверждается, например, что речь шла о подготовке грядущей дворцовой революции, направленной на устранение Сталина, Ворошилова, Кагановича, Ежова и других руководителей коммунистической партии, которые сегодня решают все вопросы более или менее самостоятельно и являются неограниченными диктаторами. В случае удачной попытки их устранения их места были бы заняты осужденными и казненными офицерами”. Вместе с тем Шуст констатировал, что ни в обвинительном заключении, ни в мотивации приговора о готовившихся покушениях на руководителей партии ничего не говорится⁴⁶.

О позиции чехословацких официальных властей по “делу Тухачевского” можно судить на основании выступления Крофты перед руководящими сотрудниками МИД 17 июня 1937 г. Надо думать, что эти оценки и формулировки были согласованы министром с президентом, поскольку события в СССР не могли не сказаться на международном положении в целом, на внешней политике Советского Союза и его политическом статусе на европейской арене, на советско-чехословацких отношениях. Сообщения о событиях в СССР, согласно заявлению Крофты, весьма различны и даже “хорошим знатокам” трудно составить представление о сложившейся там ситуации. «С моральной точки зрения каждый, естественно, осуждает последние “русские события”, но государства, враждебные России, пытаются использовать их в политических целях». Нельзя забывать, что и в других странах с диктаторскими режимами (Италия, Германия) происходили подобные события, но западные страны не стали акцентировать на этом внимание и “никто эти государства не исключал из европейского сообщества”. “Судить о политическом значении процессов весьма нелегко, поскольку мы не знаем, в чем провинились обвиняемые и действительно ли они виноваты в том, в чем их обвиняют. В первую очередь тут имел место страх Сталина перед оппозицией, но, с другой стороны, нет никаких сомнений, что какие-то связи обвиняемых с Германией действительно существовали. Об этом свидетельствует уже то обстоятельство, что в начале этого года Гитлер ожидал (имелась в виду беседа Мастного с фон Нейратом 20 марта 1937 г.)⁴⁷ политических изменений и даже переворота в России”. “Встает вопрос, – заявил Крофта, – что нынешние события означают, с точки зрения стабильности и крепости существующего там режима. Было бы преждевременно судить, что дело дойдет до исключения СССР

⁴³ Ibid., dok. 84, s. 190; dok. 93, s. 208; dok. 180, s. 373.

⁴⁴ Б. Павлу был отозван со своего поста в Москве и с октября 1937 г. возглавил политический отдел МИД ЧСР; прежний его руководитель, близкий к Бенешу социалист З. Фирлингер 10 октября 1937 г. стал чехословацким посланником в СССР. Он возглавлял представительство (с перерывом с января 1940 г. до июля 1941 г.) до конца Второй мировой войны, когда стал премьером нового правительства восстановленной Чехословакии.

⁴⁵ Československá zahraniční politika v roce 1937, sv. 1, dok. 237, s. 485.

⁴⁶ Ibid., dok. 242, s. 495–496.

⁴⁷ Ibid., dok. 112, s. 240–247.

из международного сотрудничества, в целом специалисты сходятся в том, что режим крепок и пользуется доверием широких слоев населения и что устранение Тухачевского и других вероятно даже укрепило этот ресурс, поскольку никто из казненных не был особенно любим”. “На вопрос, означают ли последние события ослабление русского влияния на европейскую политику, можно дать положительный ответ, по крайней мере, если речь идет о ближайшем времени; однако речь пойдет лишь об ослаблении и только о временном ослаблении, а не о длительном его исключении”. Так виделась ситуация Крофте. Что касается военного ослабления, то министр считал: “Те, кто желал бы этого ослабления, переоценивают Тухачевского, поскольку он являлся не единственным и не лучшим строителем советской армии. К тому же существует вопрос, имело ли его движение, если таковое вообще существовало, каких-либо последователей среди офицеров. Если да, и если их было много, тогда реорганизация армии означала бы значительные трудности для СССР”⁴⁸. Таким образом, в выступлении главы МИД Чехословакии сквозят, с одной стороны, явные неуверенность и колебания в оценках произошедшего в Советском Союзе, а с другой – надежда на то, что случившееся не снизит веса СССР в европейской политике и не ослабит его военную мощь.

На следующий день, 18 июня, на встречу с Крофтой были приглашены журналисты. Министр, по сути, повторил все, что говорил накануне о событиях в СССР. Однако в этом выступлении, как представляется, более четко прозвучала мысль о заинтересованности Праги в том, чтобы сведения о готовящемся в СССР перевороте достигли “ушей” Москвы: “Очень важно, что уже несколько месяцев назад с большой определенностью утверждалось, что в окружении Гитлера считаются с возможностью переворота в Советском Союзе, что там произойдет падение Сталина и его режим будет заменен военным бонапартистским режимом. Сообщения об этом просочились и в общественную среду. И мы из совершенно надежных источников получали сведения о том, что подобные предположения муссировались и в окружении Гитлера, и, возможно, самим Гитлером. Гитлер, дескать, ожидал дальнейшего развития [событий] в Советском Союзе. Он полагал, что там будет установлено бонапартистское правительство, с которым можно будет сотрудничать. Это, как будто, свидетельствовало о том, что какие-то контакты между гитлеровским правительством и окружением Тухачевского существовали. И если те генералы, которые думали о таком сотрудничестве, исчезли, то понятно, что отношения между Германией и Советским Союзом не улучшатся, а скорее обострятся. О чем свидетельствует и тон немецкой печати. В России же, где негативные настроения в отношении Германии были достаточно сильны, но подавлялись некоторыми деятелями, думается, они еще больше усилятся. Теперь между этими странами действительно развернется пропасть, по крайней мере, на какое-то время. Определенно, это повлияет на международные отношения в Европе и, возможно, нас в какой-то мере коснется”⁴⁹.

Шуст сообщил 20 июня в Прагу, что обвинения, выдвинутые против Тухачевского и других генералов, не выглядят достаточно убедительными, что процесс был тайным и общественность не получила подробных разъяснений о происшедшем. Излагая собственную и другие известные ему версии конфликта между Сталиным и Тухачевским, он считал, что тут “стоял вопрос о войне или мире”, за который, якобы, ратовал Сталин. Поскольку некоторые из казненных генералов по роду службы имели связи с чехословацкой армией, Шуст просил НКВД информировать его о том, не были ли в ходе процесса по делу Тухачевского получены данные о нарушении военных интересов Чехословакии. Ответа на свой запрос он не получил. Шуст сообщал, что в дипломатическом корпусе нет единства относительно оценок “дела Тухачевского”, но имеется согласие в том, что “не существовало непосредственной опасности военного переворота”, “фактически, дескать, могла идти речь о неофициальных переговорах между Тухачевским и немецким генеральным штабом”⁵⁰.

⁴⁸ Ibid., dok. 243, s. 497.

⁴⁹ Ibid., dok. 245, s. 501–502.

⁵⁰ Ibid., dok. 251, s. 508–509; dok. 265, s. 538–539.

Интересна и секретная информация чехословацкого посланника в Париже Ш. Осуского. По его мнению, у Парижа и Лондона нет единой точки зрения на события в СССР: “Лондон убежден, что между Тухачевским и рейхсвером в действительности существует некая связь. Поэтому в глазах Лондона русско-немецкий договор является не только гипотезой или вопросом маневра, но возможностью, которая не стала действительностью в результате расстрела маршала Тухачевского. Форин оффис делает из этого вывод, что следует внимательно следить за Россией и Германией, чтобы они не договорились”. Французский посол в Москве Кулондр, писал Осуский, полагает, что “Тухачевский хотел установить в России новый военный режим”⁵¹. Все эти материалы, несомненно, лежились и на стол Бенеша.

Из известных ныне документов, можно сделать вывод, что Прагу волновали советско-германские отношения и слухи о возможной смене сталинского режима, с которым у чехословацкого руководства сложились неплохие отношения. Но прямого ответа на вопрос, была ли переправлена в Москву оказавшаяся в руках Бенеша информация, нет. В мемуарах самого Бенеша и в воспоминаниях Черчилля, с которым президент обсуждал это⁵², есть упоминания, что документы Бенеш Сталину передал. Однако следов самих документов, их отправки и получения Москвой пока обнаружить не удалось ни в чешских, ни в российских архивах.

О том, как Бенеш оценивал “дело Тухачевского” и его влияние на взаимоотношения ЧСР и СССР, стало известно, правда, узкому кругу советских руководителей, в начале 60-х годов XX в. Тогда по заданию Н.С. Хрущева была подготовлена объемная справка комиссии Президиума ЦК КПСС “О проверке обвинений, предъявленных в 1937 г. судебными и партийными органами тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям в измене Родине, терроре и военном заговоре”⁵³. В разделе VI справки рассматривались «Основные направления провокационной деятельности международных империалистических сил в “деле” Тухачевского»; приводился материал об активной роли германских спецслужб в этом вопросе, о «“Доносе” на советских военачальников со стороны правящих кругов Франции и французской разведки»; а также о «Действиях правящих кругов и разведки Чехословакии и их реальной роли в “деле” Тухачевского». В первом из указанных подразделов, в частности, подробно рассматривалась деятельность сотрудничавшего с гестапо германского журналиста К. Виттиха, который по заданию германских секретных служб установил связь с пресс-атташе чехословацкого представительства в Берлине К. Хоффманом и через него передавал сведения о контактах советских военных деятелей с рейхсвером (вермахтом) и о планах

⁵¹ Ibid., dok. 271, s. 552–553.

⁵² У. Черчилль, вспоминая о встрече с Бенешем в Марракеше в 1944 г., утверждал, что тому было известно о “заговоре” военных “с целью свергнуть Сталина и создать новое правительство, которое будет проводить прогерманскую политику. Бенеш немедленно сообщил все, что ему удалось узнать, Сталину”. – *Churchill W. The Second World War*, v. 1. New York, 1961, p. 248–249. Близкий к Бенешу чешский политик Л. Фаерабенд в воспоминаниях также утверждает, что Бенеш в 1944 г. упомянул о передаче материалов Сталину: “Сталин, дескать, его никогда не предаст, поскольку он помог ему сохранить жизнь. Затем мне Бенеш по секрету сообщил, что наша разведка в Германии узнала из достоверных источников, что маршал Тухачевский связался с нацистами и готовит государственный переворот в Советах и убийство Сталина. Это было в 1937 г. и Бенеш немедленно предупредил Сталина. Процесс над Тухачевским и другими высшими офицерами Красной Армии, дескать, доказал, что информация нашей разведки была правильной”. – www.sinagl.cz/phpbb2/viewtopic.php?p-12433

⁵³ См.: Военные архивы России, 1993, вып. 1, с. 4–113; Военно-исторический архив, 1998, вып. 2, с. 3–81. Справка, подготовленная в соответствии с постановлением Президиума ЦК КПСС от 5 января 1961 г. и составленная на основании материалов партийных, советских и военных архивов (архива Партийной комиссии при ЦК КПСС, оперативных материалов органов НКВД – КГБ, министерства обороны, министерства иностранных дел и др.), подписана председателем комиссии Н. Шверником, членами комиссии А. Шелепиным, З. Сердюком, Н. Мироновым, Р. Руденко, В. Семичастным.

Германии в отношении Чехословакии⁵⁴. Во втором подразделе в числе других материалов упоминалась беседа французского военного министра Э. Даладьё с советским полпредом В.П. Потемкиным, в которой Даладьё поведал о готовящемся в Москве заговоре против режима⁵⁵. В третьем подразделе прямо утверждалось: “Есть достаточно оснований считать, что Бенешу принадлежит немалая роль в формировании и распространении слухов о заговоре Тухачевского и других, об их связях с германским рейхсвером”. Это утверждалось не на основании изучения пересланных Бенешем документов – они не были обнаружены – а на основании записи беседы Александровского с Бенешем 4 июля 1937 г.⁵⁶ (т.е. спустя примерно три недели после казни Тухачевского и его соратников) и письма Александровского на имя Литвинова от 15 июля 1937 г. Оба документа приводятся в справке.

Ввиду важности документов остановимся на них подробнее. Возможно, определенное значение для оценок Бенеша имела полученная в Праге 1 июля информация о беседе Мастны с немецким послом в СССР В. фон Шуленбургом, который утверждал, что сталинскому режиму ничто не угрожает, а советская армия ослаблена не настолько, как считают на Западе. Кроме того, Мастны сообщил мнение временного поверенного в делах СССР в Германии Г.А. Астахова, что “проведение чистки в армии означает ее существенное усиление”⁵⁷. Далее приводим несколько сокращенную запись беседы советского полпреда с президентом: “Бенеш продержал меня с разговором 2 1/2 часа, причем все время говорил сам почти исключительно на тему о внутренних процессах, происходящих в СССР. Он начал разговор вопросом, что я думаю о значении процесса над Тухачевским и компанией, но после нескольких довольно общих фраз с моей стороны прервал заявлением, что он хочет обстоятельно изложить мне свое понимание для того, чтобы мне было ясно, какими мотивами он руководствуется в своей политике по отношению к СССР”. Бенеш утверждал, «что так называемые события в СССР ничуть его не удивили и совершенно не испугали, ибо он давно их ожидал. Он почти не сомневался и в том, что победителем окажется “режим Сталина”... Он приветствует эту победу и расценивает ее как укрепление мощи СССР, как победу сторонников защиты мира и сотрудничества советского государства с Европой.

Бенеш заявил, что последние годы он расценивает советскую внешнюю политику как ставку СССР на западноевропейскую демократию французского, английского и чехословацкого типа, как на союзника в борьбе с фашизмом за мир... Бенеш особо под-

⁵⁴ В справке говорится о том, что, как следует из допросов Виттиха в 1962 г. в ГДР, в разговорах с Хоффманом он многое выдумывал и, в частности, “раздул информацию о связях Бендлерштрассе (улица в Берлине, где находился штаб германских сухопутных сил) с Москвой, так что эта связь стала походить на конспиративную деятельность. Виттих высказал Хоффману также подозрения о заговоре этой группы против Сталина”.

⁵⁵ 17 марта 1937 г., как следует из справки, Потемкин направил на имя членов Политбюро и руководства НКВД СССР шифротелеграмму, в которой говорилось, что Даладьё “из якобы серьезного французского источника” узнал “о расчетах германских кругов подготовить в СССР государственный переворот при содействии враждебных нынешнему советскому строю элементов из командного состава Красной Армии. После смены режима в СССР Германия заключит с Россией военный союз против Франции”. Потемкин выразил сомнение в серьезности этого сообщения. Как полагал советский постпред, «во-первых, Даладьё явно заинтересован в том, чтобы своими “дружественными” сообщениями внушить нам большее доверие к нему самому. Во-вторых, он невольно выдает привычный страх французов, как бы мы не сговорились против них с немцами».

Можно предположить, что сведения об этой беседе, а, может, просто о имеющихся на этот счет у французской разведки материалах, достигли и Праги. Бенеш, выстраивая линию взаимоотношений ЧСР и СССР, всегда делал это с оглядкой на Францию. Возможно и в данном случае он, как и французы, решил предупредить своего союзника о грозящей опасности.

⁵⁶ *Сталин И.В.* Сочинения, т. 16. М., 1997, с. 312–315. Документ с купюрами опубликован в газете “Красная звезда” 30 ноября 2002 г. См. также – ru.wikisours.org/wiki/Справка_комиссии_президиума_ЦК_КПСС/VI

⁵⁷ *Československá zahraniční politika v roce 1937*, sv. 1, dok. 274, s. 555.

черкнул, что, по его убеждению, в московских процессах, особенно в процессе Тухачевского, дело шло вовсе не о шпионах и диверсиях, а о прямой и ясной заговорщицкой деятельности с целью ниспровержения существующего строя... Бенеш под большим секретом заявил мне следующее: во время пребывания Тухачевского во Франции в прошлом году Тухачевский вел разговоры совершенно частного характера со своими личными друзьями французами. Эти разговоры точно известны французскому правительству, а от последнего и Бенешу. В этих разговорах Тухачевский весьма серьезно развивал тему возможности советско-германского сотрудничества и при Гитлере, так сказать, тему “нового Рапалло”. Бенеш утверждает, что эти разговоры несколько обеспокоили Францию... Бенеш был уверен в победе “сталинского режима” именно потому, что этот режим не потерял морали, в то время как крикуны о перманентной революции явно не были на моральной высоте. В Москве расстреливают изменников, и т.н. европейский свет приходит в ужас. Это лицемерие. Бенеш не только отлично понимает, но и прямо одобряет московский образ действий. Москва продолжает жить в эпоху революции.

Бенеш напомнил, что в разговоре со мной (кажется 22.IV. с.г.) он говорил, что почему бы СССР и не договориться с Германией? Я ответил, что помню, и признался, что меня тогда очень удивила эта часть разговора, как совершенно выпадающая из рамок обычного рода мыслей Бенеша. Лукаво смеясь, Бенеш ответил, что теперь может объяснить мне скрытый смысл своего тогдашнего разговора. Свои объяснения Бенеш просил считать строго секретными и затем рассказал следующее: начиная с января месяца текущего года Бенеш получал косвенные сигналы о большой близости между рейхсвером и Красной Армией. С января он ждал, чем это закончится.

Чехословацкий посланник Мастный в Берлине является исключительно точным информатором... У Мастного в Берлине было два разговора с выдающимися представителями рейхсвера... для Бенеша из этих разговоров стало ясно, что между рейхсвером и Красной Армией существует тесный контакт. Бенеш не мог знать о том, что этот контакт с изменниками. Для него возникала проблема, что делать, если советское правительство действительно вернется к какой-нибудь политике “нового Рапалло”. В этой связи Бенеш задал риторический вопрос, где средство для защиты Чехословакии, и без обиняков отвечал на этот вопрос, что тогда Чехословакия тоже должна была бы заключить соглашение с Германией. Это было бы началом чехословацкой зависимости, но другого выхода не было. Гитлер вовсе не стремится к тому, чтобы физически немедленно уничтожить Чехословакию, но он хочет “союза” с ней. На чехословацком языке это означало бы зависимость, вассальное состояние, а Бенеш не для того потратил столько лет на освобождение от австрийского ига, чтобы принять германское ярмо.

Бенеш говорил, что Москва должна самым серьезным образом оценить эти его явления и раз и навсегда понять, что Чехословакия хочет быть свободной в полном смысле слова. Она не примет никогда никакого диктата, но она будет драться за свою свободу, за демократию, за европейский мир. Поскольку это является и задачей СССР, постольку Чехословакия безоговорочно является союзником Москвы, постольку бенешевская политика как аксиому принимает неизменность советско-чехословацких дружественных взаимоотношений. Никакие расстрелы, никакие внутренние изменения не могут потрясти эту дружбу».

Трудно и даже невозможно сказать, какие мысли действительно посещали Бенеша на счет происходивших в СССР репрессий, насколько искренен он был, например, говоря о “высокой морали” сталинского режима, но президент как политический прагматик прибегал в разговоре с советским дипломатом к тем словам и выражениям, которые, по его мнению, могли бы убедить Александровского в желании Чехословакии сохранить союзнические отношения с СССР.

Письмо Александровского Литвинову было составлено на основании записи этой беседы и беседы с сотрудником Бенеша Лауриным. Полпред писал, что после расстрела Тухачевского он иначе стал оценивать свои беседы с Бенешем, состоявшиеся в феврале–апреле 1937 г., и вопросы президента касательно возможности договора между СССР и Германией, а также слухи о чехословацко-германском сближении.

Поскольку письмо мало известно научной общественности, публикуем его основные части, как это представлено в справке. Беседы с Бенешем и Лауриным, по мнению Александровского, не оставляют «сомнений в том, что чехи действительно имели косвенную сигнализацию из Берлина о том, что между рейхсвером и Красной Армией существует какая-то интимная связь и тесное сотрудничество. Конечно, ни Бенеш, ни кто бы то ни было другой не могли догадаться о том, что эта сигнализация говорит об измене таких крупных руководителей Красной Армии, каким были предатели Гамарник, Тухачевский и другие. Поэтому я легко могу себе представить, что Бенеш делал из этой сигнализации тот вывод, что советское правительство в целом ведет двойную игру и готовит миру сюрприз путем соглашения с Германией. В положении Бенеша было тогда вполне естественно задаваться вопросом, что же делать Чехословакии перед лицом такой возможности... Я не сомневаюсь в том, что Бенеш и Крофта действительно зондировали почву у немцев, встречались с Траутманнсдорфом и пользовались своим посланником Мастны в Берлине для того, чтобы расчистить дорогу для чехословацко-германского соглашения, и Бенеш имел в виду забежать, таким образом, вперед и договориться с Германией раньше, чем ожидаемый им “сюрприз” советско-германского сближения стал бы общеизвестным фактом. Одновременно он поручил Лаурину сигнализировать через меня, что он может договориться с Германией раньше, чем это сделает СССР, и тем самым понудить нас, если не заговорить с ним откровенно, то учесть заблаговременно такую возможность в пактировании с Германией. Если бы советское правительство действительно подготавливало соглашение с Германией, то такой бы план Бенеша был бы вполне понятен и достиг бы своего результата. Я считаю весьма характерным то, что сказал мне Бенеш теперь, а именно, что Чехословакия была бы вынуждена “опираться и на Россию Тухачевского”, а также договориться с Германией, хотя это и было бы началом зависимости Чехословакии от Германии.

Никто из нас не понял и не мог понять смысла поведения Бенеша и его клеветы Лаурина, не зная о том, что против нас работает банда изменников и предателей. Зная же теперь это, мне становится понятным очень многое из тех намеков и полупризнаний, которыми избобило разговора со мной не только Лаурина, Бенеша, Крофты, но и других второстепенных политических деятелей Чехословакии».

Авторы справки опровергали версию, что Бенеш мог прислать уличающие Тухачевского материалы через Александровского, и утверждали, что “информацию” могли “подкинуть” по каким-то другим каналам: “Германские разведывательные органы не только сами плели интриги вокруг Тухачевского и других, но всячески провоцировали на это французов, англичан, поляков, чехов, нагоняя на них страх угрозой заключения союза между СССР и Германией”.

И Москва, и Прага действительно подозревали друг друга в готовности сблизиться с Берлином и опасались этого: СССР боялся лишиться своих позиций в Центральной Европе, которые ему давал союз с ЧСР, и потерять ее как союзника в борьбе за коллективную безопасность в Европе; Чехословакия боялась, что, в случае сближения рейха с Советским Союзом, ей придется пойти на невыгодный договор с Германией, угрожавший ЧСР потерей суверенитета, ухудшением международного положения в Европе и усилением “третьего рейха”. Таким образом, представляется, что Бенеш действительно передал какие-то до сих пор не обнаруженные материалы в Москву (возможно, они были уничтожены), но выяснить, что они собой представляли и как (куда? кому?) были переданы, пока не удастся.

Во второй половине 1937 г. внешнеполитическая ситуация Чехословакии по-прежнему оставалась сложной. В силу своего географического положения она являлась одной из стран, наиболее заинтересованных в осуществлении политики коллективной безопасности и активизации деятельности Лиги Наций в целях эффективного противодействия агрессору. Все свидетельствовало о том, что ЧСР должна стать первой жертвой амбициозных планов Гитлера, нацеленных на захват Европы. Их осуществление он намеревался начать с ее центральной части, конкретно с Австрии и Чехословакии. В своих расчетах фюрер исходил из того, что ни Англия, ни Франция, опасаясь начала

войны, к которой они не были готовы ни психологически, ни материально, не станут защищать указанные страны. И в этом он, как показали дальнейшие события, оказался прав. 19 ноября 1937 г. высокопоставленный английский чиновник и политик лорд Э. Галифакс во время частной поездки в Германию для “охоты” встретился в Оберзальцбурге с Гитлером. Беседуя с фюрером, он дал понять, что при условии сохранения целостности Британской империи английские правящие круги готовы предоставить ему свободу рук в Австрии, Чехословакии и Данциге. Условием являлось лишь то, чтобы эти “изменения европейского порядка были произведены путем мирной эволюции”. Одновременно Галифакс подчеркнул, что Германия по праву может считаться “бастионом Запада против большевизма”⁵⁸. Усилился англо-французский нажим на Чехословакию в плане необходимости достижения договоренностей с Германией, т.е. уступок ей, прежде всего принятия требований партии Генлейна в отношении автономии Судетской области. Особую настойчивость в этом проявляла Англия и ее посол в Праге Б. Ньютон. В конце ноября 1937 г. в Лондоне состоялось совещание английских руководящих деятелей с французским премьером К. Шотаном и министром иностранных дел И. Дельбосом. В частности обсуждался и вопрос о позиции обеих стран в случае агрессии Германии против Чехословакии. Английский премьер Н. Чемберлен заявил, что его страна “не должна быть втянута в войну из-за Чехословакии” и что в случае агрессии против нее Англия должна “сохранить за собой свободу действий”. Шотан от имени Франции подчеркнул, что ее союзный договор с ЧСР не вступит в силу, если Германия присоединит Судетскую область, не прибегая к открытой агрессии⁵⁹. На горизонте замаячил “призрак Мюнхена”, который чем дальше, тем явственнее приобретал все более реальные очертания.

В декабре 1937 г. Дельбос совершил поездку по странам Центральной Европы, с которыми Франция имела союзные договоры. В Праге он вел речь не о политике коллективной безопасности и выполнении его страной союзнического долга, а о необходимости договориться с Германией и удовлетворить требование генлейновцев. На вопрос Бенеша, какую позицию займет Франция, если Германия нападет на Чехословакию, Дельбос ответил: “Вы должны лишить Гитлера всякого предлога для выступления”. Бенеш и Крофта обещали, что при помощи Англии и Франции они постараются разрешить судетскую проблему⁶⁰.

Чехословакия, уже оставив мысль о подписании с Германией договора о ненападении, продолжила (как бы под эгидой Англии и Франции) с ней переговоры о снятии напряженности в отношениях между обеими странами. Они касались двух, хотя и не первостепенной важности, тем: о прессе и эмигрантах. Судето-немецкий вопрос, как “в очень твердой форме” заявил Бенеш в беседе с Александровским 23 декабря 1937 г., “был и остается чисто внутренним чехословацким вопросом, и он не позволит вмешиваться в него ни Англии, ни Франции”. Смысл переговоров с Германией Бенеш объяснил следующим образом: “Необходимо выигрывать время и использовать все возможное для успокоения европейской атмосферы. Чехословакия будет переговариваться с Германией как бы о перемирии в прессе. Если бы это удалось, то было бы только хорошо для всех. Европейская атмосфера слишком отравлена газетными полемиками... Другой вопрос переговоров – деятельность эмиграции... Речь идет о взаимном ограничении и прекращении антиправительственной деятельности эмигрантов”. На замечание Александровского о том, что для упрочения мира в Европе правильнее было бы не вести малоэффективные переговоры с Германией, а противопоставить блоку агрессоров блок стран защитников мира, Бенеш, в принципе согласившись с идеей, ответил, “осторожно выбирая слова”: основой такого блока должен быть “франко-английский альянс. При малейшем расхождении между Англией и Францией блок не будет достаточно силен”. Поэтому Бенеш “предпочел бы выждать, пока в Лондоне окончательно выкристаллизуется настроение”. Хотя Бенеш и оптимист, но “все же сегодня не может поручиться

⁵⁸ ДМИСЧО, т. 3, док. 244, с. 373–374.

⁵⁹ Там же, док. 242, с. 369.

⁶⁰ Там же, док. 244, с. 373.

за завтрашний день в английской внешней политике”⁶¹. В вопросе решения общеевропейских проблем президент, как и прежде, делал ставку на согласованные действия между Англией и Францией. И, как вскоре оказалось, они договорились обеспечить мир в Европе, придя к соглашению с агрессором и пожертвовав Чехословакией.

А Гитлер готовился к войне. В протоколе его совещания с высшими военными чинами Германии от 10 ноября 1937 г. значится: “Вообще фюрер полагает весьма вероятным, что Англия, а также предположительно и Франция втихомолку уже списали со счетов Чехословакию и согласились с тем, что когда-нибудь этот вопрос будет решен Германией. Трудности, переживаемые империей (Великобританией. – *В.М.*), а также перспектива вновь быть втянутой в длительную европейскую войну являются решающими для неучастия Англии в войне против Германии. Английская позиция наверняка не останется без влияния на позицию Франции”⁶². Еще 24 июня 1937 г. появилась директива “О единой подготовке вооруженных сил к войне”, а уже 7 декабря 1937 г. первое дополнение к ней. 21 декабря 1937 г. военный министр Германии генерал-фельдмаршал В. фон Бломберг подписал приложение к первому дополнению о единой подготовке вооруженных сил к войне. Ее цель – быстрый захват “Богемии и Моравии с одновременным решением австрийского вопроса в смысле включения Австрии в германскую империю”⁶³. “Наступательная война” против Чехословакии считалась возможной, даже если какая-либо великая держава выступит против Германии. Этот “авианосец” большевизма в Европе, по мысли Гитлера, должен быть уничтожен, и он не сомневался в том, что Англия и Франция скорее пожертвуют Чехословакией, чем начнут из-за нее войну.

⁶¹ Там же, док. 244, с. 372–373.

⁶² *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документальные материалы. Т. 1. Подготовка к развертыванию нацистской агрессии в Европе. 1933–1941. М., 1973, док. 31, с. 128.

⁶³ Там же, док. 43, с. 210.